

УДК 340.15

ББК 67.3

А.Д. СОЛОНЧЕНКО

СТАНОВЛЕНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПРАВА: ОТ ВЕЧА К КРЕПОСТНОМУ ПРАВУ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф.Ф. ЗИГЕЛЯ

Ключевые слова: Ф.Ф. Зигель, славянское право, источники права, обычай, вече, Судебник 1497 г., суд, зависимое население, закрепощение, институциональная эволюция.

Переход от вечевой и общинной публичности к письменной судебной процедуре показывает, как менялся сам способ признания правоты в восточнославянском праве: решение все меньше зависело только от памяти и признания общины и все чаще требовало документа, платежа, срока и исполнительного действия. На этом фоне особенно значим вопрос о том, как ранние правовые формы подготавливали режимы ограниченной мобильности зависимого населения без прямого и одномоментного введения крепостного права.

Цель исследования – выявить связь между изменением источников права и формированием юридических механизмов ограниченной мобильности зависимого населения.

Материалы и методы. Основу исследования составили Судебник 1497 г., труды Ф.Ф. Зигеля о славянских законодательствах, сравнительный славянский материал и историография вечевых институтов, суда и закрепощения; применены историко-сравнительный, источниковедческий, текстологический и лексико-семантический методы.

Результаты. Последовательно проанализированы вечевая публичность, действие обычая, судебная процедура Судебника 1497 г. и норма о крестьянском «отказе». Установлено, что обычай не исчезает одномоментно, а меняет юридический статус: он сохраняет значение постольку, поскольку может быть распознан судом, выражен в процедуре и подтвержден документально или публичным действием. Показано, что право выхода превращается в операцию, зависящую от календарного срока, расчета «пожилого» и доказательства правомерности перехода.

Выводы. Полученные результаты позволяют рассматривать закрепощение как кумулятивный эффект юридических техник, а не как мгновенную замену свободы запретом. Ограничение мобильности оказалось связано не только с прямыми запретами, но и с тем, что свобода перехода была переведена в редкую, платную и доказуемую процедуру. Практическая значимость исследования состоит в уточнении методики чтения ранних правовых памятников без перенесения на них более поздних категорий крепостного права.

Введение. Связь между вечевой публичностью и крепостным правом на первый взгляд кажется почти искусственной. Вече относится к сфере городского или общинного обсуждения, где решение основывается на присутствии людей, памяти о прежних случаях, репутации сторон и возможности публично подтвердить согласие. Крепостное право, напротив, обычно связывают с государственным учетом, владельческой защитой, розыском и административным принуждением. Если поставить между этими явлениями знак прямой причинности, получится грубая схема: будто одна форма свободы постепенно «испортилась» и превратилась в зависимость. Такая схема слишком удобна и потому подозрительна.

В основу настоящей статьи положен более осторожный тезис. Между вечем и крепостным правом нет прямой институциональной преемственности,

но есть переход в способах признания правоты. То, что раньше подтверждалось участием общины, клятвой, поручительством, памятью соседей или согласительной процедурой, постепенно начинает требовать иных форм закрепления: компетентного суда, документа, платежного расчета, срока, должностного действия. Именно этот сдвиг в источниковом режиме делает возможным дальнейшее превращение фактической зависимости в юридически воспроизводимый статус [5, 8, 16].

Здесь важно сразу снять возможное недоразумение. Речь не идет о том, что обычай исчезает, уступая место «закону» в современном смысле слова. Обычай долго сохраняет значение и в судебной практике, и в представлениях о справедливом решении. Меняется другое: обычай все чаще должен быть допущен в правовой оборот через процедуру, признан судом или подтвержден такой формой, которую можно повторить за пределами конкретной общины. Поэтому для истории закрепощения существенно не только содержание запрета, но и то, как право начинает считать, удостоверить и исполнять зависимость.

В этом пункте данная позиция расходится с тем прочтением, при котором Судебник 1497 г. рассматривается почти исключительно как первое юридическое ограничение свободы крестьянского перехода. Норма о Юрьевом дне действительно занимает ключевое место, но она становится понятнее при рассмотрении в контексте норм о суде, пошлинах, правых грамотах, докладных списках и должностных участниках процесса [7, 10]. В таком окружении она свидетельствует не только о положении крестьянина, но и о формировании новой юридической инфраструктуры: о том, кто вправе признать переход законным, сколько он стоит, когда он допустим и как его можно оспорить.

Актуальность темы обусловлена именно этой двойственностью. С одной стороны, историография давно показала постепенность закрепощения: запovedные годы, урочные годы, розыск беглых, владельческая защита и позднейшее оформление крепостного режима складывались не одновременно [1–3, 6, 9, 12]. С другой стороны, юридическая техника этой постепенности нередко остается вне поля зрения исследователей. Переход от социальной зависимости к крепостному статусу опосредован рядом операций: ограничением срока, оценкой двора, фиксацией решения, назначением взыскания, определением компетентного исполнителя.

Цель исследования – выявить, каким образом закрепление юрисдикции и процедуры в письменном законе связано с переходом от коллективных форм публичности к режимам статусной зависимости и ограниченной мобильности.

Научная новизна работы заключается в том, что генезис зависимого статуса рассматривается через смену источников права и механизмов признания правоты, а не только через последовательность запретительных актов. Такая постановка не исключает социально-экономических объяснений закрепощения, но дополняет их анализом юридической формы.

Материалы и методы. Основным нормативным материалом является Судебник 1497 г., используемый по изданию в составе тома «Российское законодательство X–XX веков» и с учетом исследовательской традиции, представленной

работой С.И. Штамма [7, 10]. Для настоящей темы этот памятник важен не как собрание отдельных правил, распределяемых по современным отраслям права, а как текст, в котором судебная компетенция, пошлина, доказательство, документ и исполнение образуют единую практическую систему.

При анализе Судебника сознательно избегались две крайности. Первая – искать в тексте уже готовое крепостное право и тем самым переносить на конец XV в. категории более позднего времени. Вторая – видеть в норме о выходе лишь техническую подробность крестьянского быта. Текст источника не позволяет свести его ни к одной из этих крайностей. Он еще не описывает завершённый крепостной режим, но уже показывает, как мобильность может быть поставлена в зависимость от календаря, платежа и признанной процедуры.

Вторую группу материалов составляют труды Ф.Ф. Зигеля о славянских законодательствах [4, 5, 16]. Они привлекаются не для построения единой линии «славянского права», а для методологической дисциплины. Ценность работы Ф.Ф. Зигеля в том, что он удерживает в поле зрения обычай, письменный закон и правоприменение одновременно. Его сравнительный материал показывает: внешне похожие институты могут выполнять разные функции, а сходные функции могут скрываться за различными терминами.

Третья группа источников – историография вечевых институтов, древнерусского суда и закрепощения. В работах о Новгороде и Пскове вече рассматривается не как романтический символ народовластия, а как форма публичной легитимации, в рамках которой община участвует в признании решения [15, 17]. Исследования крестьянской зависимости и раннемодерного государства дают возможность отделить ранние юридические ограничения мобильности от более позднего институционально оформленного крепостного права [1–3, 6, 9, 11, 12, 14].

Методика анализа носила практический характер. В каждой значимой норме выделялись четыре вопроса: кто принимает или удостоверяет решение; какое действие признается юридически значимым; какая форма делает это действие проверяемым; кто и за счет чего обеспечивает исполнение? Затем эти элементы сопоставлялись с тем, как в источниках описываются обычай, вечевая публичность и право выхода. Такой подход позволяет продемонстрировать метод на материале, а не просто назвать его.

Лексико-семантическое наблюдение использовалось лишь как вспомогательный прием. Повторяемость слов, связанных с судом, пошлиной, грамотой, взысканием и должностным участием, сама по себе не является доказательством. Она только указывает на фрагменты, в которых особенно настойчиво говорится об управляемости конфликта. Но за таким наблюдением должна следовать источниковедческая проверка: необходимо установить, какую функцию выполняет термин в конкретной норме, а не рассматривать его как самостоятельный аргумент.

Результаты исследования

Вече, обычай и право, которое держится на присутствии. Вечевая публичность не сводится к голосованию. Для темы статьи важнее другое: решение получает обязательность потому, что оно произнесено и признано в видимом для общины пространстве. Участие, согласие, репутация, поручительство, клятва

и память о прежних случаях работают как элементы правового удостоверения. Правота здесь не отделена от социального признания; она поддерживается теми, кто видел спор, знал стороны и мог подтвердить допустимость решения [15, 17].

Такой порядок не следует идеализировать. Локальная память может быть пристрастной, участие – неравным, а согласие – результатом давления сильных участников общины. Однако для истории источников права важно, что этот порядок имеет собственную юридическую логику. Он не является хаотическим дописменным остатком. Обычай в такой среде выступает формой коллективно проверяемого знания о должном поведении.

Именно поэтому простая оппозиция «обычай – закон» оказывается недостаточной. Обычай не исчезает в момент появления письменной нормы. Он меняет способ действия. Пока правовая сила обычая обеспечивалась локальным признанием, достаточно было памяти, репутации и участия. Когда же спор начинает рассматриваться в суде, обычай должен быть представлен как довод, подтвержден как известное правило или встроен в процедуру. Его содержание может сохраняться, но источник обязательности смещается.

Для понимания будущего закрепощения это обстоятельство принципиально. Зависимость могла существовать и раньше – в форме долга, повинности, личной связи, хозяйственного подчинения, соседского давления. Но следует различать зависимость, признаваемую и регулируемую локально, и зависимость, которую можно удостоверить, взыскать и воспроизвести через суд. Вторая форма требует иной техники: срока, платежа, документа, должностного лица.

В связи с этим в переходе от вечевой публичности к централизованному суду следует видеть не «падение свободы» в прямом смысле, а изменение места, где решается вопрос о правоте. Если раньше правота была во многом событием публичного признания, то теперь она все чаще становится результатом процедуры. Такая процедура может защищать слабую сторону, но может и закреплять зависимость, если сама структура нормы делает мобильность дорогой, редкой и трудно доказуемой.

Судебник 1497 г.: как источник организует спор. Судебник 1497 г. начинается не с общей теории власти и не с отвлеченного определения права. Он сразу вводит читателя в пространство суда: кто судит, какие пошлины берутся, как оформляются решения, кто участвует в процессе. Уже сама эта композиция значима. Право здесь предстает как совокупность действий, которые должны быть выполнены правильно: предъявить иск, довести дело до решения, оплатить установленное, получить грамоту, добиться исполнения [7, 10].

В первых статьях о суде и пошлинах особенно заметна арифметика правоприменения. Спор переводится в расчет: с рубля иска берется определенная пошлина; при поле, примирении или проигрыше возникают свои платежи; участие дьяка, окольного, недельщика или иного должностного лица получает материальное выражение. Для исследователя это не второстепенные детали. Именно через такие расчеты суд становится воспроизводимым институтом, а не разовым решением авторитетного лица.

Похожую функцию выполняют правые грамоты и докладные списки. Они фиксируют итог спора и обеспечивают его действие за пределами той ситуации, в которой решение было принято. В документе не просто зафиксировано уже существующее право; он меняет способ его существования. То, что можно предъявить, скрепить, прочитать и взыскать, обладает иной устойчивостью, чем решение, известное только участникам локального конфликта.

Именно здесь проявляется специфика источниковедческого анализа. Норма читается не только по предмету регулирования, но и по набору юридических операций. Если в ней названы судья, пошлина, грамота и исполнитель, значит, в тексте не только регулируется содержание запрета или разрешения, но и маршрут дела, где одинаково рассматриваются разные конфликты – имущественные, процессуальные, статусные. В этом и состоит институциональная сила Судебника.

На этом фоне норма о крестьянском выходе уже не выглядит изолированным фрагментом. Она входит в текст, где правомерность действия проверяется через срок, платеж и признанную форму. Поэтому при анализе статьи о «христианском отказе» важно видеть не только социальный смысл ограничения, но и процессуальную грамматику: кто может сказать, что переход совершен вовремя; как доказать продолжительность проживания; как рассчитать «пожилое»; что происходит при споре о долге или дворе [7, 10].

«Христианский отказ»: право выхода как юридическая операция. Наиболее известная статья Судебника, в современной нумерации обычно обозначаемая как статья 57, посвящена крестьянскому «отказу». Крестьянам разрешается переходить «из волости, из села в село» один срок в году – за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после него; одновременно устанавливается «пожилое», причем размер платежа зависит от хозяйственного контекста и длительности проживания [7, 10]. Уже в этой формуле видно, что в тексте не просто запрещается или разрешается переход. Он представляется как совокупность юридически проверяемых условий.

Первое условие – календарное. Переход существует не как постоянная возможность, а как действие, приуроченное к узкому временному окну. Это не полная отмена свободы, но и не прежняя мобильность. Право остается, однако оно становится редким событием, которое легко признать неправомерным, если нарушен срок. Власть получает не только средство запрета, но и более тонкий инструмент: она определяет, когда именно свобода может быть реализована.

Второе условие – платежное. «Пожилое» не следует сводить к бытовой компенсации владельцу за оставляемый двор. В юридической перспективе оно придает связи крестьянина с местом и владельцем характер исчисляемого требования. Чем продолжительнее проживание его владельца, тем выше стоимость ухода. Здесь зависимость еще не является окончательным статусом, но она уже выражается в расчетной форме. А расчетная форма удобна для суда: ее можно предъявить, оспорить, взыскать.

Третье условие – доказательственное. Чтобы применить норму, необходимо установить не только факт ухода, но и момент ухода, продолжительность

проживания, размер двора, наличие или отсутствие платежа. Эти обстоятельства не могут основываться исключительно на общей памяти. Они требуют свидетельств, документа, признанного расчета или судебного разбирательства. Таким образом, крестьянский переход оказывается связанным с теми же механизмами, которые Судебник развивает в других частях текста.

Именно поэтому нельзя признать удачным выражение «Судебник ввел крепостное право», если оно употребляется без оговорок. Текст 1497 г. не создает завершённого крепостного режима. Он сохраняет право выхода, но переводит его в разряд редкой, платной и доказуемой операции. В этом его историческая значимость: не окончательный запрет, а юридическая настройка мобильности, которая делает последующие ограничения гораздо более исполнимыми.

Такое прочтение позволяет согласовать два наблюдения, которые иначе представляются противоречивыми. С одной стороны, крестьянин еще может уйти, с другой – сам уход уже поставлен в зависимость от условий, выгодных для владельца и контролируемых судом. Свобода не исчезает одновременно; она становится процедурой. А процедура, как показывает дальнейшая история, может быть расширена, осложнена или фактически заблокирована без немедленного объявления полного запрета.

Суд, документ и взыскание как инфраструктура зависимости. Судебная процедура важна не только потому, что она разрешает спор. Она формирует язык, посредством которого социальная связь приобретает статус юридического факта. Долг, двор, срок проживания, выход, пошлина, грамота, взыскание – все эти элементы соединяются в цепочку. Когда эта цепочка функционирует, зависимость перестает быть только отношением между владельцем и крестьянином; она становится частью публичного порядка, который можно поддерживать через суд и должностное исполнение.

В этом смысле Судебник 1497 г. показывает раннюю форму того, что позднее станет гораздо более жесткой системой. Не потому, что все последующие институты уже содержатся в нем в готовом виде, а потому, что он демонстрирует необходимые юридические предпосылки: унифицируемую подсудность, расчет платежей, документальное оформление решения, должностное сопровождение взыскания. Без этих элементов позднейшая владельческая защита и розыск беглых были бы менее устойчивыми [1, 6, 9, 12].

Особенно показательное соотношение локального и центрального. Вечевой или общинный порядок предполагает, что спор остается в пределах среды, которая знает участников. Судебник же стремится сделать решение переносимым. Оно должно действовать не только там, где все помнят обстоятельства, но и там, где их нужно подтвердить формой. Такой перенос и есть один из главных признаков изменения источников права.

При этом речь не идет о простом вытеснении общины. Следы локального участия сохраняются: суду по-прежнему нужны свидетели, поручители, знающие люди, представления о доброй славе и недоброй репутации. Но они включаются в другой порядок. Община перестает быть единственным носителем правовой памяти; она становится источником сведений для процедуры. Это тонкое, но существенное различие.

Отсюда следует и более широкий вывод о закрепощении. Зависимый статус возникает не только тогда, когда появляется прямой запрет на уход. Он формируется уже тогда, когда уход становится юридически рискованным действием: его нужно совершить вовремя, оплатить, доказать, защитить от претензий владельца и провести через суд в случае спора. Чем больше условий, тем меньше фактическая свобода, даже если формальная возможность еще названа в тексте.

Полемика с линейными схемами закрепощения. В историографии закрепощения представлено несколько сильных объяснительных линий. Социально-экономическая линия обращает внимание на интересы землевладельцев, потребность в рабочей силе и хозяйственную цену крестьянского ухода. Государственно-служилая линия связывает ограничение мобильности с военной и фискальной нагрузкой Московского государства. Обе линии важны, и без них правовая история была бы неполной [2, 6, 9, 11, 12].

Однако возникает дополнительный вопрос: почему социальный интерес вообще получает устойчивую форму нормы? Землевладелец мог быть заинтересован в удержании крестьянина и до Судебника. Государство могло нуждаться в налоговой и служилой стабильности. Однако интерес сам по себе еще не создает исполнимого статуса. Для этого нужны формы, которые делают требование распознаваемым и принудительным: срок, платеж, запись, суд, исполнитель.

Поэтому в настоящей статье закрепощение понимается не как единственный акт и не как простая сумма запретов. Это накопление юридических техник. Сначала мобильность ограничивается временем и платежом; затем усиливаются владельческие притязания; позднее появляются более жесткие формы розыска и возврата; наконец, в раннемодерной системе зависимость получает публично-правовую устойчивость, которую уже невозможно объяснить только обычаем или частным договором [3, 6, 12, 13].

Такой подход не противоречит факту постепенности, но уточняет его. Постепенность – это не только хронология актов. Это еще и изменение качества правового действия. Одно дело сказать: «уход запрещен», другое – создать порядок, при котором любой уход может быть проверен, оценен, признан неправомерным, и повлечь взыскание. Судебник 1497 г. находится именно на этом втором уровне: он не замыкает всю систему, но показывает, как она формируется.

В этом контексте полезна и сравнительная перспектива, предложенная Ф.Ф. Зигелем. Славянские правовые порядки развивались не по единой модели. В одних случаях доминировали городские институты, в других – княжеская власть, церковная юрисдикция или внешние правовые влияния [4, 5, 16]. Поэтому при сравнении следует искать не одинаковые слова, а сходные функции: где обычай допускается к суду, где документ вытесняет память, где платеж превращает личную зависимость в исчисляемую обязанность.

Именно в этом смысле траектория «от веча к крепостному праву» является исследовательской метафорой, а не описанием прямой линии. Она показывает изменение источника обязательности: от признания в локальном публичном пространстве к признанию через письменную процедуру и судебное исполнение. Метафора полезна, пока она удерживает сложность; она становится опасной, если превращается в рассказ о неизбежной деградации свободы.

Выводы. Проведенный анализ позволяет ответить на поставленный вопрос: закрепление юрисдикции и процедуры в письменном законе связано с переходом от коллективных форм публичности к режимам статусной зависимости через изменение способов признания правоты. В ранней системе решение получает обязательность через обычай, участие и общинную ответственность. В централизующейся системе обязательность все чаще связывается с судом, документом, платежом, сроком и должностным исполнением.

Судебник 1497 г. важен именно как памятник переходной стадии. Он не описывает позднее крепостное право в готовом виде, но показывает юридическую инфраструктуру, без которой позднейшее прикрепление не стало бы устойчивым: унификацию судебного порядка, расчет пошлин, документальное оформление решений, ограничение календаря выхода, монетизацию обязанности и возможность принудительного взыскания [7, 10].

Крестьянский «отказ» в этой перспективе следует понимать не как простую отмену свободы и не как нейтральную хозяйственную процедуру. Он является точкой, где мобильность приобретает характер юридической операции. У крестьянина остается возможность перехода, но эта возможность ограничена сроком, обременена платежом и нуждается в доказательственном подтверждении. Именно такие «малые» юридические техники подготавливают большие институциональные последствия.

Обычай при этом не исчезает, а меняет положение в системе источников. Из самостоятельной формы локального признания он постепенно становится материалом, который должен быть понятен суду и совместим с письменной процедурой. Этот сдвиг особенно важен для истории права, потому что показывает: централизация не только усиливает власть, но и меняет сам способ существования правовой нормы.

Практическая значимость исследования состоит в уточнении методики чтения ранних правовых памятников. Анализ должен начинаться не с готовых категорий позднего крепостного права, а с вопроса о том, как норма работает: кого она называет, какое действие допускает или ограничивает, чем это действие подтверждается, кто его исполняет и как оно соотносится с другими частями текста. Такой подход снижает риск анахронизма и делает сравнение славянских материалов более строгим.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с более детальным сопоставлением Судебника 1497 г. с другими славянскими памятниками, с изучением судебного учета и с реконструкцией ситуаций, в которых локальная публичность не исчезала, а приспособлялась к новой судебной форме. Именно в этих переходных зонах – между памятью общины и письменным документом – наиболее отчетливо видно, как социальная зависимость получает юридическую устойчивость.

Литература

1. Аракчеев В.А. Закрепощение крестьян в России в конце XVI – начале XVII вв. // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 106–117.
2. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 958 с.

3. Дьяконов М.А. Заповедные и выходные лета. Пг.: [б. и.], 1915. 20 с.
4. Зигель Ф.Ф. Законник Стефана Душана. Вып. 1: [с приложением]. СПб.: изданием Имп. Санкт-Петербургского ун-та, 1872. 369 с.
5. Зигель Ф.Ф. История славянских законодательств: курс лекций, читанных в Императорском Варшавском университете в 1913–1914 акад. г. Ч. 1: История чешского права; Ч. 2: История польского права. Варшава: тип. «Русского общества», 1914. 201 с.
6. Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М.: Наука, 1970. 368 с.
7. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. 520 с.
8. Серегин А.В. Юридическое исследование государства и права Древней Руси. Ростов-на-Дону: ФГАОУ ВПО «ЮФУ», 2014. 245 с.
9. Скрынников Р.Г. Россия после опричнины: очерки политической и социальной истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 223 с.
10. Штамм С.И. Судебник 1497 года: учебное пособие по истории государства и права СССР. М.: Госюриздат, 1955. 112 с.
11. Bartlett R. Serfdom and State Power in Imperial Russia. *European History Quarterly*, 2003, vol. 33, no. 1, pp. 29–64.
12. Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, The University of Chicago Press, 1971, 319 p.
13. Hellie R. The Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649. Part I: Text and Translation. Irvine, CA, Charles Schlacks, Jr. Publisher, 1988, 293 p.
14. Kollmann N.S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 500 p.
15. Lukin P.B. Assemblies and Councils in Medieval Novgorod and Western Pomerania. *Slavica Wratislaviensia*, 2017, vol. 165, pp. 33–54.
16. Zigel F. Lectures on Slavonic Law: Being the Ilchester Lectures for the Year 1900. London, New York, Oxford University Press, 1902, 232 p.
17. Vovin A.A. Veche and the Terms “All Pskov” and “Pskov Men”: The Russian Medieval City Assembly as a Communal Structure. *Russian History*, 2013, vol. 40, no. 4, pp. 449–466.

СОЛОНЧЕНКО АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ – соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры теории права и гражданско-правового образования, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург (pass12355pass@yandex.ru).

Andrey D. SOLONCHENKO

FORMATION OF THE EAST SLAVIC LAW: FROM THE VECHE TO SERFDOM IN THE INTERPRETATION OF F.F. SIEGEL

Key words: F. F. Siegel, the Slavic law, sources of law, custom, veche, Sudebnik of 1497, court, dependent population, enslavement, institutional evolution.

The transition from assembly-based and communal forms of public proceedings to written judicial procedures illustrates how the very method of establishing the truth in East Slavic law changed: decisions relied less and less on the memory and recognition of the community alone, and increasingly required a document, payment, a time limit and enforcement action. Against this background, the issue of how early legal forms prepared regimes of limited mobility of the dependent population without the direct and simultaneous introduction of serfdom is particularly significant.

The purpose of the study is to identify the relationship between changing sources of law and formation of legal mechanisms for limited mobility of the dependent population.

Materials and methods. The research is based on Sudebnik of 1497, the works of F.F. Siegel on Slavic legislation, comparative Slavic material and historiography of Veche institutions,

courts and enslavement; historical-comparative, source studies, textual and lexical-semantic methods are applied.

Results. The article consistently analyzes the *veche* publicity, the effect of custom, the judicial procedure of the Judicial Code of 1497 and the norm on peasant "refusal". It is established that a custom does not disappear overnight, but changes the legal status: it retains its meaning insofar as it can be recognized by a court, expressed in a procedure and confirmed by documentation or public action. It is shown that the right to exit turns into an operation depending on the calendar period, calculation of the "elderly" and proving the legality of the transition.

Conclusions. The results obtained make it possible to consider enslavement as a cumulative effect of legal techniques, rather than as an instantaneous replacement of freedom with prohibition. Restriction of mobility turned out to be due not only to direct prohibitions, but also to the fact that the freedom of transition was transferred to a rare, paid and provable procedure. The practical significance of the research consists in clarifying the methodology of reading early legal monuments without transferring later categories of serfdom to them.

References

1. Arakcheev V.A. *Zakreposhchenie krest'yan v Rossii v kontse XVI – nachale XVII vv.* [Enserfment of peasants in Russia at the end of the 16th – beginning of the 17th centuries]. *Voprosy istorii*, 2020, no. 1, pp. 106–117.
2. Grekov B.D. *Krest'yane na Rusi s drevneishikh vremen do XVII veka* [Peasants in Rus' from the earliest times to the 17th century]. Moscow, Leningrad, 1946, 958 p.
3. D'yakonov M.A. *Zapovednye i vykhodnye leta* [Prohibited years and departure years]. Petrograd, 1915, 20 p.
4. Zigel' F.F. *Zakonnik Stefana Dushana. Vyp. 1* [The Code of Stefan Dušan. Issue 1]. St. Petersburg, 1872, 369 p.
5. Zigel' F.F. *Istoriya slavyanskikh zakonodatel'stv: kurs lektsii, chitannykh v Imperatorskom Varshavskom universitete v 1913–1914 akad. g. Ch. 1: Istoriya cheshskogo prava; Ch. 2: Istoriya pol'skogo prava* [History of Slavonic legislations: a course of lectures delivered at the Imperial University of Warsaw in the 1913–1914 academic year. Part 1: History of Czech law; Part 2: History of Polish law]. Warsaw, 1914, 201 p.
6. Koretskii V.I. *Zakreposhchenie krest'yan i klassovaya bor'ba v Rossii vo vtoroi polovine XVI v.* [Enserfment of peasants and class struggle in Russia in the second half of the 16th century]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 368 p.
7. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva* [Russian legislation of the 10th – 20th centuries. 9 vols. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985, 520 p.
8. Seregin A.V. *Yuridicheskoe issledovanie gosudarstva i prava Drevnei Rusi* [Legal study of the state and law of Ancient Rus']. Rostov-on-Don, 2014, 245 p.
9. Skrynnikov R.G. *Rossiya posle oprichniny: ocherki politicheskoi i sotsial'noi istorii* [Russia after the Oprichnina: essays on political and social history]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1975, 223 p.
10. Shtamm S.I. *Sudebnik 1497 goda: uchebnoe posobie po istorii gosudarstva i prava SSSR* [The Sudebnik of 1497: a textbook on the history of state and law of the USSR]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955, 112 p.
11. Bartlett R. Serfdom and State Power in Imperial Russia. *European History Quarterly*, 2003, vol. 33, no. 1, pp. 29–64.
12. Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, The University of Chicago Press, 1971, 319 p.
13. Hellie R. The Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649. Part I: Text and Translation. Irvine, CA, Charles Schlacks, Jr. Publisher, 1988, 293 p.
14. Kollmann N.S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 500 p.

15. Lukin P.B. Assemblies and Councils in Medieval Novgorod and Western Pomerania. *Slavica Wratislaviensia*, 2017, vol. 165, pp. 33–54.
16. Zigel F. Lectures on Slavonic Law: Being the Ilchester Lectures for the Year 1900. London, New York, Oxford University Press, 1902, 232 p.
17. Vovin A.A. Veche and the Terms “All Pskov” and “Pskov Men”: The Russian Medieval City Assembly as a Communal Structure. *Russian History*, 2013, vol. 40, no. 4, pp. 449–466.

ANDREY D. SOLONCHENKO – a Competitor of Scientific Degree of Legal Sciences Candidate, Department of Theory of Law and Civil-Law Education, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, St. Petersburg (pass12355pass@yandex.ru).

Формат цитирования: Солонченко А.Д. Становление восточнославянского права: от вече к крепостному праву в интерпретации Ф.Ф. Зигеля [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 3. С. 122–132. URL: <https://oecomia-et-jus.ru/single/2026/3/9>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-3-122-132.